

Действие первое

О ЛЮБВИ

Составитель
Екатерина Златорунская

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
3-67

Составитель *Екатерина Златорунская*

Дизайн обложки и иллюстрация *Гали Поповой*

Рассказы Ирины Лейк и Лидии Туллул опубликованы
при содействии Литературного агентства «Вимбо»

3-67 Действие первое. О любви : сборник / сост. Е. Златорунская —
М. : Издательство АЗБУКА, 2026. — 368 с. — (Имена. Российская
проза).

ISBN 978-5-389-29870-5

«Весь мир — театр», — сказал Шекспир, и с ним сложно не согласиться. Действительно, наша жизнь очень похожа на спектакль, где мы играем самые разные роли. И правят нами в этой игре чувства, среди которых самое важное — любовь. О нем и пойдет речь в первом действии.

Перед вами сборник, объединивший разные жанры — от мелодрамы до сказки, от драмы до эссе, — и разных авторов, которые попытались исследовать это чувство.

Слово составителю, Екатерине Златорунской: «Любовь ускользает от точного определения. Ее невозможно поймать, как бабочек, одурманить углекислотой, приколоть булавкой и классифицировать с леонардовской точностью — ее вид, род, начало и конец.

Возможно, потому пишутся тексты о любви, составляются сборники, возносятся и разбиваются сердца».

Итак, занавес! Действие первое. О любви.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-389-29870-5

© Н. Антонова, О. Антонова, А. Бабина и др., тексты. 2026.

© Гали Попова, иллюстрация. 2026

© Рассказы. Оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

КоЛибри Fiction

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Идея создания сборника рассказов о любви возникла легко и неожиданно, на ноябрьском книжном фестивале в Москве, где я с другими авторами серии «Имена. Российская проза» издательства «Азбука-Аттикус» принимала участие в мероприятии.

После презентации разговорились с Юлией Раутборт, руководителем редакции современной прозы и создателем серии «Имена», о писательских планах на будущее, и я обмолвилась, что написала рассказ о любви. «А давайте мы сделаем сборник рассказов о любви, — предложила Юлия. — Выступите его составителем?» И я, конечно, согласилась.

Это мой первый опыт, и я благодарна всем авторам, доверившим мне тексты о сокровенном, ведь при всей условной избитости темы нет ничего сокровеннее любви.

Восхищение, сопротивление, опровержение, растворение, умирание, избегание, поглощение, уничтожение, принятие, смирение, прощение — все это стадии взаимодействия с любовью.

Авторы сборника исследовали разные грани: платонические, метафорические, физические; разные стадии любовных отношений, любовь семейную, любовь творческую, жажду любви и жажду освобождения от любви, — призывая на помощь юмор, сказку, скептицизм, стойкость.

И все равно любовь ускользает от точного определения. Ее невозможно поймать, как бабочек, одурманить углекислотой, приколоть булавкой и классифицировать с леонардовской точностью — ее вид, род, начало и конец.

Возможно, потому пишутся тексты о любви, составляются сборники, возносятся и разбиваются сердца.

Надежда Кожушаная, гениальный кинодраматург, в киноповести «Бессонница» предлагает понимать любовь как чудо, дарованное Богом человеку:

«Кстати, так давно пора придумать что-нибудь вместо смерти, — сказала Мари, и ей стало тоскливо, скучно. — Уже сто миллионов лет пора, правда. Скучно... — Да ладно, — сказала Маруся и вытерла лицо. — Бог с тобой, — и пошла к тому двору, где рассталась с Баринком. — Вместо смерти ты придумал любовь. Спасибо, мой хороший. Очень странные у тебя придумки. Не очень гениальные».

А все-таки что может быть гениальнее любви?

Этот сборник, с позволения его авторов, я хочу посвятить Надежде Кожушаной, победившей смерть любовью.

Екатерина Златорунская

Надежда Антонова

ПИСАРЬ

Валера Козырь выматерился, снова попробовал начать, но писать он не умел, так же как и говорить на человеческом. Нет, умел, конечно, но крепко забыл. Досиживал он по статье 111, пункт 1, за причинение тяжкого вреда здоровью, но если учесть, что баба его была с пузом, то еще и за убийство. И вот то неродившееся и вытекшее из нее дите, пусть и чужое (хотя Козырь все-таки думал, что его), было жалко, а ненасытную Светку и тем более пялившего ее слизня, которого он сделал овощем, не жалко совсем. Если повернуть назад, он бы снова их исканителил. Ну да ладно, благодарствуем за хлеб-соль, восемь лет не двадцать, еще и режим общий. Сейчас самое время найти заочницу. Он раздобыл адресок, желающих переписываться с арестантами хватает, и вот теперь нужно накалякать письмецо. Козырь думал обратиться

к правильному человечку, но пока прикидывал, что да как, попробовал сам. Получилось не очень. Да и вообще, что он, как старая кошелка, нежности из себя выдавливать? Козырь поморщился, нащупал в кармане непечатую пачку курева и решил подкатить к писарю.

Сергей проходил по статьям 158 и 112. После смерти матери долго просил отчима отдать ее вещи, потом напился, раздобыл фомку, взломал квартиру и попытался вынести все, что помнил с детства: серьги с рубинами, бабкин перстень с бирюзой, давно замолчавшие часы-кулон. Прихватил старые платья с запахом шкафа и духов, шубу из каракуля, черные «лодочки» с блестящими пряжками — нога у матери была маленькая, 36-го размера, поэтому туфли уместились в глубоких карманах зимней куртки. Когда выносил вещи, столкнулся в дверях с вернувшимся материным мужем, сломал ему нос и два ребра. Дома, в доставшейся от деда однушке, Сергей поставил туфли на полку рядом с книгами.

Отчим снял побои, написал заявление в милицию, на суде просил не спускать, всю жизнь с ним мучились: то подерется, то напьется, и наркотики даже пробовал, в отца своего, гнилое семя. Запихнули на филфак, чтобы хоть какое-то образование получил, нормальную профессию не осилил бы, но он и здесь не учился, охранником в банке устроился, мать измордовал. Я ей говорил, что надо с ним жестко, по-мужски разбираться, а она не давала, вставала грудью, не трогай моего ребенка, а мне вот никого не родила, не получи-

лось. Сделайте, чтобы по закону все. Судья пожалела, у самой сын горячий, так что Сергею дали один год общего режима.

Писарем он стал почти сразу. Вечером, когда было свободное время, шел в библиотеку, для вида брал книгу, сидел, уставившись в черные злые буквы. Один раз выпросил у библиотекаря чистые листы и карандаш, начал что-то записывать. Через несколько дней к нему подошел смотрящий, заглянул в его бумажки, поулыбался и заказал сочинить любовное для жены — в выходные намечалось свидание. Сергей сделал. После этого к нему стали ходить составлять послания заочницам, иногда просили написать стих или текст песни, платили едой и куревом.

Козырь сунул Сергею целую нераспечатанную пачку L&M, подмигнул: «Накалякай хорошо, чтоб у шмарочки в трусах помокрело». Сергей взял сигареты, спросил имя. Работал он обычно быстро, используя шаблон, даже любовные стихи делал однотипными, меняя несколько слов и обращение, но сегодня почему-то захотелось по-другому. Он сосредоточился и вывел первое предложение: «Дорогая Валя, хоть Вы меня не знаете, но мне почему-то кажется, что мы с Вами давно знакомы».

Валя повертела в руках сложенный вчетверо тетрадный лист с неаккуратным краем, понюхала. Пахло другой жизнью, которой она не знала. Вале было тридцать шесть лет, она работала товароведом, ездила отдыхать в Египет и Турцию, любила петь в караоке с подружкой Тамаркой хиты 90-х. Пер-

вый муж Вали спился, второй уехал на север подзаработать, встретил там одноклассницу, позвонил и попросил развод. Попробовать попереписываться с эзком ее надоумила Тамарка, сказав, что везде люди живут, а от тюрьмы да от сумы, как говорится, так что бери бумагу с ручкой и вперед.

После первых двух писем, которые что-то в Вале растревожили, Валерий попросил у нее номер телефона, начали звонить друг другу, отправляли эсэмэс. Валя боялась, что его накажут, но Валерий успокоил: здесь все так, ничего не будет. На первое свидание Валя ехала с чувством, что ее прежняя жизнь раскрошилась, как песочное печенье, а мелкие вездесущие крошки хрустели в заламах памяти. Общались по встроенным в стену телефонам через стеклянную перегородку. Валерий все время смотрел, переводя взгляд с лица на шею и грудь, улыбался, трогал грязными пальцами стекло, кашлял. Валу удивляло, как по-разному он умеет разговаривать: горячо и искренне в письмах, насмешливо-неприлично в эсэмэсках, мусорно и грубовато вживую.

Расписаться решили почти сразу, точнее Козырь решил. Сработал писарь на славу, у шмарочки аж сальце шкворчит от нетерпения, надо брать. Администрация исправительного учреждения против ничего не имела, Валя предоставила свидетельство о разводе, оплатила госпошлину и спустя пять месяцев в сопровождении Тамарки приехала в колонию. Переодевшись в белое газовое платье, Валя поставила подпись в регистрационной книге рядом с подписью Валерия и впервые его поцеловала.

После освобождения Валера Козырь поселился у жены, своего дома у него не было, а со Светкой они жили без штампа, так что претендовать на ее жилплощадь он не мог. Ел Валера строго по расписанию даже в выходные дни, как привык за восемь лет колонии, гостей не любил, курил прямо в квартире, водку пил стаканами, не морщась и не закусывая, матерился много и витиевато, на работу устраиваться не спешил, успеется, зато свой ночной мужской долг не задерживал, отдавал исправно, и Валя думала, что все это тоже можно назвать счастьем, многие живут хуже.

Родители Вали погибли в автокатастрофе, когда ей было восемь лет. От отца на память остались старая рубашка, наручные часы «Слава» с коричневым циферблатом и серый шерстяной шарф. Материных вещей было больше: в дальнем углу шкафа до сих пор болтались ее ремешки, шейные платки, на антресолях в чемодане лежали ее купальники, очки, фотоальбомы, открытки, письма. Валю воспитывала мамина сестра, которая переехала к ним сразу же после аварии, оформила опеку, своей семьи так и не завела и умерла от сердечной недостаточности шесть лет назад. Других родственников у Вали не было.

Один раз они шли по улице, вдруг Валера остановился и, обращаясь к идущему навстречу парню, сказал: «Ну здравствуй, арестант!» Тот дернулся, потом кивнул и подошел ближе. Валя обратила внимание на его руки: основательные, рабочие, но с хорошо вычищенными ногтями, на большом пальце левой какая-то наколка, похожая на обо-

значение знака зодиака. Валера обернулся: «Смотри-ка, Валюха, это писарь наш, это он тебе малявы калякал. А ты-то думала, что я». Козырь развеселился, шлепнул жену по задку и пригласил Сергея в гости: побазарим, как пацаны, в литробол сыграем. Сергея встреча не обрадовала, с Козырем он и в тюрьме наобщался, но, с другой стороны, это лучше, чем торчать дома одному. К тому же Валю, хоть она и была старше него, захотелось рассмотреть поближе.

От тетки в наследство Вале досталась небольшая однокомнатная квартира, которую удобно было сдавать. Последнему жильцу что-то не понравилось, и через два месяца он выехал. После работы надо было пойти убраться, проверить, все ли на месте, а потом можно посидеть на свежей проветренной кухне и попить чай. Когда Валя подходила к дому, из первого подъезда вышел Сергей. Валя его сразу узнала, и закоулки ее памяти затопило словами, залило сладким смущением. Она решила не здороваться и побыстрее нырнуть в свой второй подъезд, но Сергей окликнул ее по имени.

Тетка часто говорила, что в человеке должна быть тайна, тогда интересно. В Сергее тайна была. Она чернела его волосами, улыбалась его большим мягким ртом, смотрела его карими, глубоко посаженными глазами, и все это хотелось приручать и разгадывать. Тем вечером кто-то как будто сообщил Вале код от потайной двери, провел темными подворотнями и подтолкнул: «На, открывай!» Не войти туда она не могла.

Они встречались раз в неделю по вечерам после работы. Из банка Сергея уволили, и он устроился на завод, там всегда были нужны свободные руки. Встреч этих Валя не просто ждала — она от них зависела. Один раз свидание сорвалось, Сергей свалился с гриппом. Валя говорила ему в трубку прерывающимся шепотом, что обязательно придет, принесет лекарства и разотрет водкой, но он запретил. Валя не спала всю ночь, ближе к утру ее заколотило, она измерила температуру: тридцать восемь и пять. Вызвала врача на дом, никакой симптоматики ОРЗ не обнаружили, но на всякий случай на три дня дали больничный. К вечеру она была здорова.

Валера давно учуял посторонний запах — нет, не то чтобы несло чем-то непривычным, с этим все было в порядке, как обычно воняло куревом, едой (готовила Валька хорошо, только медленно), ну из туалета там естественным напахивало, из шкафа перло ее духами. Тот запах, от которого Валера никак не мог уже месяца три отделаться и от которого шерсть дыбом по всему телу вставала, был не из этого мира и носу просто так не давался. В принципе, за Вальку можно было не беспокоиться, баба она не шибко броская, на шею вешаться никому не будет. Болт его вахту нес исправно, если не каждую ночь, то уж раза четыре в неделю паялил будь здоров. Штамп в паспорте, о котором любая мечтает, поставили, про детей вот она пока молчит, морочится с таблетками, но и это со временем решится, мамкой захочет стать, сама пить их бросит. Кому-то из блатных когда-то дорожку слу-

чайно перебежал? Да ну, эти бы уже рассказали, что почем. Козырь мучился, перебирал варианты, убеждался, что опасаться нечего, но, несмотря на все доводы рассудка, внутренне напрягся и встал в стойку.

Разгадка пришла резко и неожиданно. Как-то утром Козырь заметил у Вали на шее слой свежего тональника, подошел, как бы ласково погладил по тому месту, из-под бежевого проступил неровный багровый островок. Оба-на. Валя замерла. Козырь хихикнул, но тут же застыл, как будто окатили ледяной водой из старого алюминиевого таза, а потом надели на голову и постучали сверху. Ну что, чудила, хорошо шаечка на ветвях держится?

Первый удар пришелся по виску и сшиб Валю с ног. Козырь старался бить не сильно, про 111-ю помнил крепко, но как тут удержишься. Волосы у Вали были не очень длинные, но для одного уверенного оборота вокруг ладони хватило. Нет, марамойка, Светке не спустил и тебе, шалаве, не спущу, ты у меня из параша похлебаешь, языком своим там после меня вылизывать станешь. И слизня твоего найду, и ума ему дам такого, что он не то что к чужим, к своим шмарам больше не подойдет, потому что не с чем будет.

Валя очнулась привязанная за руку и за ногу вафельными полотенцами к батарее. Тело болело, хорошо видел только один глаз, второй не хотел открываться. Валя потрогала лицо, нащупала припухлость, там, наверное, гематома, ничего, это пройдет, попыталась ближе подползти к шкафу, поморщилась от резкой боли в привязанной ноге,

оперлась на крепкую деревянную дверцу спиной, помогла себе рукой и села. Закружилась голова, затошнило. Плохо, похоже на сотрясение, у нее когда-то в детстве было, надо лежать. Она аккуратно сползла обратно на пол, закрыла видящий глаз. В ушах шумело, поэтому то, что в квартире она одна, поняла больше по запахам: навевало старым, въевшимся в стены сигаретным дымом, а недавно выкуренным не пахло, не тянуло из кухни разогретой или приготовленной едой. Ел он в одно и то же время, не пропускал, так что давно бы что-нибудь сунул в микроволновку или сварил пельмени, хотя, может, это недолго все длилось, просто ей показалось, что долго. Хорошо бы попробовать освободиться и позвать на помощь, позвонить Сереже и сказать, чтобы забрал ее отсюда, но сил совсем нет. Рядом горячая батарея, а холодно. И в туалет хочется. Валя поежилась, полежала еще немного, обещая себе пересилить слабость и встать, и провалилась в сиротский больной сон.

Сергею было муторно и беспокойно. Валя не отвечала ни на звонки, ни на сообщения. Звонил и писал он обычно в середине рабочего дня, чтобы она могла отойти в подсобку, поговорить без свидетелей, а потом стереть информацию на случай, если Козырю захочется проверить ее телефон. Сегодня, мучаясь этим странным нервяком, он первый раз набрал ей около десяти утра. Сейчас было уже три часа дня, а она молчала.

Вообще, ситуация Сергею не нравилась с самого начала, поскольку наставлять рога он считал неправильным. Несколько раз он уже хотел пого-

ворить с Валерой, объяснить, повиниться, если надо, а потом намекнуть, что неплохо бы разойтись по-хорошему, ведь понятно же, кого в конце концов выбрала их женщина, а его, Валеру Козыря, она просто боится, о чем сама и сказала однажды, назвав мужа бестормозным и диким. Но Валя просила подождать.

Через час, кое-как отпросившись у начальника смены, Сергей сел в пыльную помятую маршрутку, вышел у Валиного дома, немного постоял, пытаясь вспомнить номер квартиры и шаря по кнопкам кодового замка (вдруг угадает продавленные), а потом вместе с какой-то девушкой зашел в подъезд.

Козырь грубо, с напором вставил ключ в замочную скважину, резко провернул и толкнул дверь. В квартире было тихо, интересно, как она там. Привязал он ее вроде крепко, но мало ли. Из большой комнаты слышался полускрип-полуплач, ты смотри, очухалась, курва, надо было в маленькой ее запереть, оттуда не так слышно. Вообще, хорошо бы пойти посмотреть, но лучше не надо, а то он раскипятится опять, так и вальнуть ее недолго. Пусть пока лежит, она живучая, бабы все такие, уж он Светку тогда приложил, и ничего, дите выкинула, правда, но оно и понятно. Козырь плотно закрыл дверь в зал, прошел на кухню, не глядя включил чайник, эх, жрать охота, обед пропустил. Залез в холодильник, достал миску с недоеденным салатом, ополовиненную упаковку колбасной нарезки, порыскал за шкафом, выудил припрятанную водку, открутил, пивнул прямо из горла, потом еще раз, вздрогнул от удовольствия, сунул три кол-

басных кружка в рот. В дверь позвонили. Козырь громко выматерился, но пошел открывать. Сейчас лучше не нарываться, это точно курьер какой-нибудь, дверью ошибся. Ну а даже если и соседи, сказать им, что, мол, извините за шум, у нас все в порядке, а Валька животом мается, вот и стонет.

Когда Сергей зашел в квартиру, его вдруг затошнило. Козырь удивился, спросил, кто его пустил в подъезд, там же замок кодовый, затрясся в смехе, пригласил на кухню, сказал, что в комнате Валюха отдыхает, посрались с ней маленько утром и помирились уже, она там сейчас прилегла. Козырь достал стаканы, налил, пей, братан, раньше выпьем, раньше окосеем. Сергей отметил, что разговаривает Валера преувеличенно громко, а на щеке и на руке у него несколько свежих царапин.

Где-то постучали по батарее, Козырь напрягся, потом махнул рукой: «Да соседи, барабашки движутые, все им там нейметса, типа, мы тут громко». Сергей промолчал, с трудом влил в себя из своего стакана, прислушался. Козырь стал рассказывать про их общих знакомых, кто откинулся, кто мотает еще, один по помилровке освободился. Вдруг из комнаты послышался шум, потом то ли завывли, то ли заплакали. Сергей вскочил со стула и чуть не снял с петель межкомнатную дверь. Увидев его, Валя заскулила, задергалась, запричитала: «Сереженька, мне холодно, Сереженька мой».

Козырь сидел за столом, как будто ссаньем из параши облитый. Вот оно что, а ведь верил ему, гондону, это ж надо было так повестись. Куда ни ткни, одни крысы кругом. Он взял из сушки нож,

тот, который побольше, с коричневой ручкой, и вышел из кухни в коридор.

Сергей быстро начал развязывать полотенца, смотрел то на Валин заплывший глаз, то на лило-веющие синяки на ее животе из-под порванной задравшейся футболки, вспомнил, как первый раз увидел кровоподтеки на материных ногах и руках и как она ему соврала про то, что упала, отвыкла на каблуках ходить. Ничего, мама, ничего, заживет. Хребтом он почувствовал, что сзади кто-то стоит, опасный и неизбежный, как вставшая в стойку королевская кобра, черный и ненавидимый, как повторяющийся детский кошмар. Сергей резко развернулся, перехватил руку с ножом, с силой ударил в солнечное сплетение. Козырь задохнулся, сложился пополам, осел, стальное лезвие звякнуло об пол, нож улетел под диван. Сергей саданул Валеру ногой в бок, потом в голову, а дальше бил куда придется, долго, оглушительно, изнуряюще, не по понятиям, и уже не только лежащего, но и давно затихшего, обезвреженного, неживого.

На суде во время речи в свою защиту Сергей попросил у Вали прощения и запретил его ждать. Через две недели, когда стал известен адрес колонии, она написала ему первое письмо.

Ольга Антонова

БУКАШКИ

Срок годности этого мира подходил к концу, и Аркадию было жаль, что он не успел самого главного. Ощущение приближающегося финала возникало у него и раньше, однако каждый раз проносило, но сейчас все выглядело куда хуже.

Аркадий вместе с другими пассажирами ехал по Садовому в автобусе «Б», который уже никак не вязался с милым прозвищем «букашка». Скорее, со словами, начинающимися с убийственной приставки «без» — «безнадежность», «безысходность», «безвыходность». Лица в масках, руки в перчатках — им всем постепенно ампутировали связи с миром, убрав уже три из пяти возможных. Зрение и слух еще оставались, но вот надолго ли? Через каждые две остановки пассажирам напоминали о необходимости носить маски и перчатки, угрожали штрафами, потом вдруг певец из 90-х пуга-

юще жизнерадостным голосом поздравил всех с Новым годом. Никто не высказывал ни малейшего удивления, хотя на дворе был конец января. Люди как будто не замечали усиления хаоса, — еще одно свидетельство того, что время кончалось и мелкие детали уже не имели значения.

Аркадий смотрел из окна автобуса на тротуары с серой кашей подтаявшего снега и думал, что вот и жизнь так — подкидывает день за днем реагентов, и все настоящее тает. Такие здесь правила.

В начале была мама. Когда она ушла, детство Аркаши оборвалось, и мир стал расползаться по швам. Ему было всего сорок два. Для художника не возраст, он только перешел из категории «начинающий» в разряд «подающий надежды». Мама была солнцем, вокруг которого крутилась Аркашина земля. Без нее он сошел с орбиты, потерялся в холодной Вселенной.

Иссякло вдохновение, не было сил на творчество и уж тем паче на то, чтобы пристраивать его плоды на выставки, салоны и вернисажи. Денежные запасы таяли на глазах. И сам Аркадий исчезал, истончался, сходил на нет и сгинул бы окончательно, если бы не Фома. Низколобый устойчивый крепыш, перенесенный в Москву из Магадана каким-то неведомым торнадо судьбы, Фома прибрал к своим татуированным рукам две квартиры и чердак на последнем этаже их элитной сталинки. Уже через пару месяцев захваченные территории были превращены им в единый бункер с хитрыми перепланировками внутри и возведенными вовне

крепостными стенами. Такого делать сейчас никому не разрешали, но Фому запреты не трогали. Он поднялся и выжил в 90-е и в знак благодарности уже тридцать лет повсюду возил их с собой.

К соседу снизу Аркадию Фома отчего-то сразу проникся. Ласково называл его «кашкой-букашкой», старался при нем не материться, разрешал использовать стены в подъезде под монументальные эскизники, быстро погасив недовольство соседей. А главное, поняв, что плоды творчества Аркадия с трудом поддаются монетизации, взял на себя роль его агента. Аркадий ужасно стеснялся, но, когда становилось совсем уж нечего жрать, выуживал из помещенных в кладовку старых работ очередной холст с глазами-ушами-хвостами, переплетенными в причудливом танце (Аркадий тяготел к абстракционизму) и шел на пятый этаж.

— Сможешь продать, Фома?

Фома брал картину в руки, некоторое время всматривался в нее с прищуром профессионального арт-дилера и, выдержав драматическую паузу, изрекал:

— У меня люди заводы с миллионными долгами покупали. Плакали, но покупали. Сколько ты хочешь, Каш?

Аркадий цену никогда не ломил. Фома сразу же давал аванс. Так художнику можно было жить. И рисовать. Но не создавать бессмертные шедевры — для такого размаха не доставало света.

Это понимал даже Фома. И в редкие минуты откровенности проводил с Аркадием воспитательные беседы:

Литературно-художественное издание
Әдеби-көркем басылым

Ольга Антонова, Надежда Антонова,

Анна Бабина и др.

Действие первое

О ЛЮБВИ

Сборник

Ответственный редактор Ю. Раутборн

Литературный редактор Т. Тимакова

Технический редактор Л. Синицына

Корректоры П. Шевнина, О. Ануфриева

Компьютерная верстка В. Демин

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 29.05.2026.

Формат 84 × 108 1/32. Гарнитура «Spectral».

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,32.

Тираж 2000 экз. T-RP1-39008-01-R. Заказ №

Изготовитель:

ООО «Издательство АЗБУКА»

115093, Москва, вн. тер. г.

муниципальный округ Даниловский,

пер. Партийный, д. 1, к. 25

Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru

Өндіруші:

«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ

115093, Мәскеу, қ. іш. аум.

Даниловский муниципалдық округі,

Партийный т.ш., 1-үй, к. 25

Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19

Эл. поштасы: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»

в г. Санкт-Петербурге

195112, Санкт-Петербург,

Малоохтинский пр-т, д. 68,

БЦ «Регул», 2-й этаж

Тел.: (812) 327-04-55

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Санкт-Петербург қаласындағы

«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы

195112, Санкт-Петербург,

Мало-Охтинский даңғылы, 68 ғимарат,

Регул бизнес орталығы, 2-қабат

Тел.: (812) 327-04-55

Эл. поштасы: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Ресейде басып шығарылған.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании можно получить
по адресу: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

